

УДК 94(47)(045)

*В.В. Долгов***РАЦИОНАЛЬНОЕ И НЕРАЦИОНАЛЬНОЕ В МЫШЛЕНИИ ЧЕЛОВЕКА ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Статья — полемический ответ на работу Д. В. Пузанова, посвящённую образу мышления человека раннего русского средневековья. По мнению автора, в древнерусской интеллектуальной среде культивировался специфический образ мышления. Для этого образа мышления был характерен мистицизм, иррационализм и апелляция к понятию чудесного. Вместе с тем в древнерусских источниках можно встретить персонажей, размышляющих рационально. Это герои «Повести временных лет» и «Киево-Печерского патерика»: воевода Ян Вышатич, боярин Василий и князь Глеб. Их образ мысли далёк от методологии современного научного мышления, однако он тоже может считаться рациональным. В этом заключается основная полемическая идея автора, направленная против выводов Д. В. Пузанова, считающего, что сходство средневекового «рационализма» с настоящим рациональным мышлением лишь поверхностное.

Ключевые слова: Древняя Русь, история мышления, Ян Вышатич.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-833-837

История развития мышления — давний и постоянный объект изучения историков и антропологов. Существенные различия в способах думать были обнаружены при столкновении людей европейской культуры с туземными племенами Нового света и Океании. Научную фиксацию и систематизацию эти особенности получили благодаря фундаментальным исследованиям этнологов и антропологов: прежде всего, Л. Леви-Брюля [3] и К. Леви-Стросса [4].

Затем к коллегам по гуманитарному цеху подключились и историки. Вооружённый «антропологической оптикой» взгляд позволил обнаружить много интересного. Оказалось, что образ мышления средневекового француза не менее своеобразен, чем образ мышления индейца из племени понка, о которых писал Леви-Брюль. Важную роль в изучении особенностей мышления человека в истории сыграла Школа Анналов, методология которой была воспринята и многими отечественными исследователями.

Традицию антропологического изучения древнерусского материала можно отсчитывать от работ «бытописателей» XIX в., в число которых входили А. В. Терещенко, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров и пр. В советское время антропологических работ по древнерусской тематике выходило совсем немного. Но они были: в качестве таковых следует отметить книги Б. А. Романова и Н. Л. Пушкаревой. В постсоветское время популярность и темы, и метода существенно выросла. Работал в данном направлении и автор этих строк.

Помимо прочего, меня интересовали общие принципы организации мышления человека Древней Руси. Я исходил из теоретической системы, разработанной в отечественной науке Л. С. Выготским [2]. Согласно этой системе, мышление может быть описано в следующих положениях.

1. Индивидуальное мышление зависит от двух вне- и надындивидуальных факторов: физиологической данности и текущих культурных возможностей.

2. Физиологическая основа человеческого сознания может быть признана константой, поскольку развитие человечества как биологического вида на том отрезке времени, который охватывает внимание историков, если и происходило, то не было существенным.

3. Культурная составляющая, напротив, менялась весьма существенно. Именно она и должна изучаться в ходе исторического исследования.

Л. С. Выготский изучал культурную составляющую мышления древнего человека, обращаясь к этнографическим материалам. Для изучения древнерусского периода такая методика не может быть столь же продуктивна. Однако мышление человека Древней Руси зафиксировано в письменных памятниках. Понятно, что оставлены они не вполне типичными представителями древнерусского общества. Во-первых, это были люди книжные и грамотные, что уже само по себе выводит их из числа «типичных представителей эпохи». Во-вторых, значительная их часть — это люди так или иначе связанные с церковью, что тоже добавляет им своеобразия. Тем не менее, общие наблюдения над культурными процессами дают нам основание полагать, что даже и очень образованный человек не может полностью порвать с атмосферой той эпохи, в которой ему довелось жить. Поэтому и мышление пе-

черского монаха-книжника несёт на себе неизгладимую печать древнерусского общества, а значит и оно вполне годится для наших целей.

Наблюдения над древнерусскими текстами позволили мне сделать несколько выводов об особенностях древнерусского мышления.

1. В той части, в которой мышление является результатом сознательного обучения, мышление древнерусского человека демонстрировало прочную связь с христианской экзегетической традицией. Обучение в духе этой традиции позволяло обрести навык видеть в простом сложное, в профанном горнее и пр. Базовые методы такого мышления отрабатывались в работе над книжными текстами. Квинт-эссенцией древнерусского взгляда на интеллектуальную работу может служить риторический вопрос Клима Смолятича «Нѣсть ли лѣпо пытати потонку Божественных Писаний? <...> Что же ли мнѣ, брате, Иаковъ и двѣ женѣ его, Лия и Рахаль, иже тако почитати, а не искати по духу!» [1, с. 122]. Действительно, сам по себе Иаков и его семья не представляют для Климаса никакого интереса, если это просто Иаков и его жены. Другое дело, если в истории об Иакове увидеть проявление высшего смысла. Только тогда эта история обретёт настоящее (а значит высокое) значение и будет приносить пользу.

Большую роль в описанном способе мышления занимало понятие чуда. «Чудо» служило «универсальным объяснителем» и помогало построить непротиворечивую картину реальности в тех случаях, когда средневековый человек сталкивался с чем-то непонятным. В таком же качестве современный человек использует понятие «наука».

2. Вместе с тем на страницах древнерусских произведений можно обнаружить и следы иного взгляда на реальность. Его демонстрирует, например, боярин Ян Вышатич с позиций трезвого рационализма отвечающий волхвам, что человек состоит из жил и костей, а остального кроме Бога никто не знает. И боярин Василий, прозаически рассуждающий персонаж Киево-Печерского патерика, который не видел никакого смысла в оковании золотом гробницы св. Феодосия. В средневековой литературе (а значит, по моему допущению, и средневековом обществе) такой способ мысли не культивировался. Он спонтанно складывался в гуще обыденной жизни.

3. Первый из описанных образов мысли был мной назван «сверхъестественным», а второй, соответственно, «рационалистическим».

Сами выводы, может быть, не слишком оригинальны, ибо они показывали, что мышление древнерусского человека мало отличалось от мышления его раннесредневекового западного собрата. Однако подобранные мной сюжеты, которыми были иллюстрированы выводы, вызвали интерес коллег.

Наиболее свежей и интересной работой в этом направлении стала статья Д. В. Пузанова. В ней автор подверг мои размышления весьма глубокой и, увы, обоснованной критике. Эта статья, фактически, является приглашением к дискуссии, в которой я с удовольствием принимаю участие.

Итак, сначала изложу аргументы Д. В. Пузанова так, как я их понял.

1. Системы мировоззрения, определённые мной как «рациональная» и «сверхъестественная», в реальности не отличаются именно по степени рациональности. Персонажи, использующие в своих размышлениях разнообразные апелляции к сверхъестественным силам, мыслят вполне рационально в рамках своего мировоззрения.

2. Собственно, самое понятие «сверхъестественного» может существовать только в условиях, когда это самое «естество» определено как таковое. Нет «естественного» — нет и «сверхъестественного». Современная граница между этими понятиями не существовала в эпоху средневековья, а значит, её пересечение не может служить значимой характеристикой образа мышления. Точно так же сомнительно выглядит противопоставление «сакрального» и «реального» в обществе, в котором сакральное мыслится вполне реальным.

3. В своём доверии науке как «универсальному объяснителю» современный человек ничуть не более рационален, чем человек средневековья, использовавший в качестве такого «объяснителя» понятие «чуда». В обоих случаях это весьма поверхностная манера мышления, не имеющая отношения к настоящей рациональности. То есть, не оперирующая достаточными интеллектуальными основаниями для выводов и поступков.

4. «Чудо» в древнерусских текстах — не всегда проявление сверхъестественных сил (требуемое осмысления в качестве такового), а иногда просто какой-то необычный факт, бросающийся в глаза аномалия.

В общем и целом, критика справедливая. Хотя согласиться в полной мере я могу лишь с тем, что чудо не всегда осмыслялось как проявление высших сил, а иногда служило обозначением просто необычного явления.

С остальным сложнее. Начнём с того сюжета, в котором Д. В. Пузанов рассуждает о степени рациональности Яна Вышатича. Действительно, вполне логически непротиворечиво утверждение, что Ян оказался недостаточно рационален, поскольку не стал допускать релевантность «эксперимента» волхвов, вынудивших из спин жён нарочитой чади рыб и жито. Можно признать, что имей Ян навыки настоящего учёного, он бы не стал с налёта отвергать возможность подобного рода операции и драть волхвам бороды. Можно было, например, потребовать изменить условия эксперимента. Более всего напрашивается изменение режима визуального контроля процесса вскрытия спин и изъятия ценностей. Для верности можно было организовать группу экспертов по визуальному сопровождению и удостовериться во всём основательно. Ян же, фактически, уклонился от дискуссии, противопоставив их версии происходящего свою — едва ли менее аргументированную. Уиллард ван Орман Кувайн показал, что, опираясь на одни и те же данные, можно сочинить диаметрально противоположные теории, нисколько при этом не погрешив против логики. Похоже, это тот самый случай.

Всё так. Однако, при всём при том, с позиции современного человека, разница между воеводой, утверждавшим, что в спине человека рыбы и жита быть не может, и волхвами, утверждавшими, что такое возможно, все-таки есть, и она интуитивно понятна.

Попробую в чётких терминах определить, чем же, собственно, позиция воеводы Яна или боярина Василия видится мне более рациональной, чем позиция персонажей древнерусской литературы, демонстрирующих мистический настрой и готовность видеть в обыденных событиях отсвет потустороннего мира.

1. Первым шагом к развитию рационалистического взгляда на реальность в ходе развития мировой философии был эмпиризм. Если принять как данность, что физиология человека нам известна, то «концепция» Яна Вышатича относительно его «внутреннего содержания» выглядит гораздо, скажем так, эмпиричней. Будучи воеводой, Ян, очевидно, не раз сталкивался с возможностью заглянуть внутрь человеческого тела. Поэтому его слова можно считать не просто «мемом», культурной единицей, а результатом обобщения жизненного опыта. Стоя на материалистической позиции, мы не можем признать того же самого за волхвами. Даже в том случае, если их манипуляции не были сознательным обманом, а результатом добросовестного заблуждения, эмпирического подтверждения их система взглядов иметь не могла. Поэтому, несмотря на логическую непротиворечивость, позиции Яна и волхвов не могут быть уравниваемы в их познавательной ценности. Позиция Яна рациональной, ибо базируется на опыте и релевантна ему.

К тому же роду рациональных мыслителей следует отнести князя Глеба, блестяще завершившего гносеологическую дискуссию с волхвом ударом боевого топора.

2. Ещё один из важных принципов рационального мышления определяется так наз. «Бритвой Оккама» или принципом экономии мышления. В классических учебниках по истории философии он формулируется так: «Не следует множить сущее без необходимости». На практике его использование означало, что если феномен можно было объяснить при помощи наблюдаемых физически явлений, то метафизические факторы отбрасывались даже в условиях их логической непротиворечивости.

Мышление воеводы Яна и боярина Василия ограничивалось тем, что они могли видеть и воспринимать непосредственно. То есть, Оккаму бы нечего было бы отрезать его «бритвой» из рассуждений славного воеводы.

3. Эмпиризм и экономность мышления древнерусских «рационалистов» сближает их с рационалистами современными. Однако между ними, конечно, есть и важное отличие. Современный рационализм — это результат сознательного формирования познавательной позиции. В эпоху средневековья интеллектуалы двигались совсем иными путями. Они формировали духовный, или спиритуалистический взгляд на природу (об этом см. в соответствующем месте). Рационализм же если и складывался, то спонтанно. Поэтому, конечно, рационалистические рассуждения летописных и житийных персонажей не обладают строгостью научных концепций и могут быть уличены в многочисленных несовершенствах. Однако черты, указанные в первых двух пунктах, прочно привязывают его именно к рационалистическому взгляду на мир, близкому современной науке.

Важно отметить, что мышление, выходящее за рамки практической рациональности, может развиваться только в тех сферах, в которых невозможна быстрая и непосредственная верификация

выводов. То есть, можно иррационально, алогично рассуждать о Боге и жизненном предназначении человека: даже в случае ошибки отрицательный результат проявит себя далеко не сразу. Для практической жизни (для постройки дома, для выращивания хлеба и пр.) иррациональный способ мышления использоваться не может. То есть, мы можем с весомой долей уверенности говорить о средневековом человеке как о существе рациональном. Разница может быть замечена лишь в сфере, далёкой от бытовой утилитарности. Именно размышляя о высоком и сложном, человек Древней Руси чаще оказывался мистиком, а не материалистом. К такому способу размышления подвигала его интеллектуальная культура его эпохи. Тем интереснее казусы воеводы Яна, боярина Василия или князя Глеба — людей, пошедших в силу каких-то причин против мэйнстрима.

Совсем не обязательно рационализм рассмотренных в статье персонажей — результат глубоких размышлений и системной позиции. Скорее, мы можем видеть результат недостаточного образования. Их мышление не было обработано в духе эпохи и поэтому не знало характерных для средневековой интеллектуальной среды рамок. Они рассуждали о сложном как о простом. Это роднит названных средневековых «скептиков» с наукой нового времени. Поэтому-то и истории о них обычно не оставляют равнодушными современных читателей: их образ мышления кажется нам (и не без оснований) похожим на наш собственный.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕАТУРЫ

1. Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 118–141.
2. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
3. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.
4. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление / пер. А. Островского. М.: ТЕРРА, Книжный клуб; Республика, 1999. 392 с.

Поступила в редакцию 22.05.2021

Долгов Вадим Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: dolgov@udm.ru

V.V. Dolgov

RATIONAL AND IRRATIONAL IN THE INTELLECTUAL CULTURE OF ANCIENT RUSSIA

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-4-833-837

The article is a polemical answer to the work of D. V. Puzanov, dedicated to the way of thinking in the culture of the early Russian Middle Ages. According to the author, a specific way of thinking was cultivated in the ancient Russian intellectual community. This way of thinking was characterized by mysticism, irrationalism and an appeal to the concept of “miracle”. At the same time, in ancient Russian sources one can find characters thinking rationally. These are the heroes of *The Tale of Bygone Years* and the *Kiev-Pechersk Paterikon*: Voivode Yan Vyshatich, Boyar Vasily and Prince Gleb. Their method of thinking is far from the methodology of modern scientific thinking, but it can also be considered rational. This is the main polemical idea of the author, directed against the conclusions of D. V. Puzanov, who believes that the similarity of medieval "rationalism" with real rational thinking is only superficial.

Keywords: Ancient Russia, history of thinking, Jan Vyshatich.

REFERENCES

1. Poslanie Klimenta Smolyaticha [The message of Clement Smolyatich]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 4. XII vek [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 4. 12th century]. St. Petersburg, “Nauka” Publ., 1997, pp. 118–141. (In Russian).
2. *Vygotskij L. S., Luriya A. R.* Etyudy po istorii povedeniya: Obez'yana. Primitiv. Rebenok [Behavioral History Studies: Monkey. Primitive. Child.]. Moscow, “Pedagogika-Press” Publ., 1993, 224 p. (In Russian).

3. *Levi-Bryul' L.* Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii [The supernatural in primitive thinking.]. Moscow, "Pedagogika-Press" Publ., 1994, 602 p. (In Russian).
4. *Levi-Stros K.* Pervobytnoe myshlenie [Primitive thinking]. Moscow, "TERRA, Knizhnyj klub; Respublika" Publ., 1999, 392 p. (In Russian).

Received 22.05.2021

Dolgov V. V., Doctor of History, Professor of the Department of Russian History
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: dolgov@udm.ru